

придется прибегать к детальному комментированию отдельных текстов.

Отношение Карамзина к реальной расстановке общественных сил в России конца XVIII в. рисуется обычно в следующем виде: сближение с новиковским кружком в 1780-е гг., затем разрыв, после которого наступает изоляция. Если мы можем указать круг личных и, отчасти, литературных связей Карамзина после возвращения из-за границы, то место его среди политических лагерей России той эпохи представляется совершенно неясным. Карамзин 1790-х гг. — одинокий мечтатель и сентиментальный меланхолик, который вдруг каким-то непонятным скачком превращается в 1802 г. в издателя «Вестника Европы» — пытливого наблюдателя и умного знатока европейской политики. Столь же неожиданно превращается он в 1811 г. в автора «Записки о древней и новой России».

Однако имели ли место такие резкие переходы в самом деле? Не подменяем ли мы подлинную эволюцию Карамзина сменой его литературных поз, настойчиво преподносимых читателю? Конечно, каждая литературная поза содержит какую-то проекцию реальной личности автора. Однако проекция — не личность во всей ее полноте. Нас же сейчас будут интересовать те аспекты, которые оставались в тени.

«Письма русского путешественника» закрепили в сознании читателей образ Карамзина как «русского путешественника» — любознательного визитера, посетителя достопримечательных мест и исторических памятников, собеседника философов и писателей, неглубокого, чувствительного, то прикидывающегося «северным скифом», вторым Анахарсисом, то вдруг обнаруживающего почти энциклопедическую осведомленность в самых различных сторонах истории, общественной жизни и культуры европейских стран. Создание такой маски повествователя входило в литературный расчет Карамзина. Бесспорно, что образу этому он отдал определенную часть своей личности, реальных впечатлений и что такие эпизоды, как описание встречи с Кантом или беседы с Виландом, вполне могут занять место в биографии Карамзина, а не только в пересказе литературных странствий его героя. Однако в целом «Письма русского путешественника» в качестве биографического источника весьма ненадежны.

Кроме описания реальных событий, свидетелем которых Карамзин был в действительности, в «Письмах русского путешественника» встречаются и эпизоды, имеющие чисто литературное происхождение. Так, в одном из писем из Парижа (главка «Тюльери») Карамзин описывает праздник Ордена св. Духа, свидетелем которого он, по его словам, был. Эпизод этот вызывает сильные сомнения: во-первых, хотя Карамзин не указывает даты праздника, высчитать ее нетрудно: духов день — день, в который совершалось орденское торжество, в 1790 г. приходился на 25 мая. Поскольку 4 июня 1790 г. Карамзин написал